
Г. Г. СУДЬИН

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ И КУЛЬТУРЕ

В статье сделан вывод о том, что дискуссионный вопрос о соотношении язычества, христианства и двоеверия в «Слове о полку Игореве» в принципе невозможно решить, исходя из количественного соотношения элементов язычества и элементов христианства, так как имеющиеся в «Слове...» языческие и христианские элементы нельзя поставить во взаимно-однозначное соответствие. Обосновывается положение, что нужно исходить из кульминации древнерусского произведения («Плач Ярославны»). «Плач Ярославны» представляет собой типичный языческий заговор. Отсюда следует, что «Слово о полку Игореве» является языческим произведением.

Ключевые слова: «Князь Игорь» А. П. Бородин, язычество, христианство, двоеверие, кульминация «Слова о полку Игореве», дееспособность языческих богов, «Задонщина».

В апреле-мае 1185 г. Новгород-Северский князь Игорь Святославич (1151–1202 г.) предпринял неудачный военный поход против половцев. Несмотря на героизм, дружина Игоря потерпела жестокое поражение: «И из стольких людей мало кто смог по случайной случайности спастись, невозможно было скрыться беглецам – словно крепкими стенами окружены были полками половецкими. Но наших русских мужей пятнадцать убежало, а ковуев и того меньше, а остальные в море утонули»¹.

Игорь воспринял свое поражение как наказание за свои грехи. В 1183/1184 гг. во время совместного похода на половцев Игоря и Владимира Глебовича Переяславского под общим командованием князя Игоря между ними произошла ссора. Князь Владимир Глебо-

¹ Летописные повести о походе князя Игоря. Из Ипатьевской летописи // Памятники литературы Древней Руси. XII век. – М., 1980. – С. 357.

вич попросил разрешения быть впереди, в авангарде, что обеспечивало приоритет и в славе, и в захвате трофеев (добычи). Игорь отказал ему, тогда Владимир Глебович напал на владения Игоря, а Игорь в отместку напал и разгромил город Глебов у Переяславля. Именно в этом и каялся Игорь после поражения на поле боя в 1185 г. Вот как говорится об этом в уже цитированной Ипатьевской летописи: «И так в день святого воскресения низвел на нас господь гнев свой, вместо радости обрек нас на плач и вместо веселья – на горе на реке Каялы. Воскликнул тогда, говорят, Игорь: “Вспомнил я о грехах своих перед господом богом моим, что немало убийств и кровопролития совершил на земле христианской: как не пощадил я христиан, а предал разграблению город Глебов у Переяславля. Тогда немало бед испытали безвинные христиане: разлучаемы были отцы с детьми своими, брат с братом, друг с другом своим, жены с мужьями своими, дочери с матерями своими, подруга с подругой своей. И все были в смятении: тогда были полон и скорбь, живые мертвым завидовали, а мертвые радовались, что они, как святые мученики, в огне очистились от скверны этой жизни. Старцев пинали, юные страдали от жестоких и немилостивых побоев, мужей убивали и рассекали, женщин оскверняли”. “И все это сделал я, – воскликнул Игорь, – и не достоин я остаться жить! И вот теперь вижу отмщение от господа бога моего: где ныне возлюбленный мой брат? где ныне брата моего сын? где чадо, мною рожденное? где бояре, советники мои? где мужи-воители? где строй полков? где кони и оружие драгоценное? Не всего ли этого лишен я теперь! И связанного предал меня бог в руки беззаконникам. Это все воздал мне господь за беззакония мои и за жестокость мою, и обрушились содеянные мною грехи на мою же голову. Не подкупен господь, и всегда справедлив суд его. И я не должен разделить участи живых. Но ныне вижу, что другие принимают венец мученичества, так почему же я – один виноватый – не претерпел страданий за все это? Но, владыка господи боже мой, не отвергни меня навсегда, но какова будет воля твоя, господи, такова и милость нам, рабам твоим”»².

² Летописные повести... – С. 357.

Игорь оказался в плену у половецкого хана Кончака. Находясь в плену, Игорь был на положении невольника, но он мог себя вести достаточно свободно не потому, что был внуком половчанки (утверждение, что Игорь был на три четверти половцем, ошибочно, так как Игорь родился во втором браке своего отца, его матерью была новгородка). Игорь и Кончак хорошо знали друг друга, были накоротке. Не излагая подробно сложную историю их взаимоотношений, обратим внимание на то, что в 1180/1181 г., участвуя в междоусобной борьбе соправителей Киевского княжества на стороне Святослава Всеволодовича против Рюрика Ростиславовича, Игорь осуществлял общее руководство русскими и союзными с ними половецкими отрядами Кончака и Кобяка. Будучи разгромленными, Игорь и Кончак бежали (спасались) в одной ладье по Днепру к Чернигову. Не исключено, что в это время Игорь и Кончак могли договориться (договорились) о браке сына Игоря Владимира и дочери Кончака.

Вернемся к 1185 г., к пребыванию Игоря в плену: «Игорь же Святославич в то время находился у половцев, и говорил он постоянно: “Я по делам своим заслужил поражение и по воле твоей, владыка господь мой, а не доблесть поганых сломила силу рабов твоих. Не стою я жалости, ибо за злодеяния свои обрек себя на несчастья, которые я и испытал”. Половцы же, словно стыдясь доблести его, не чинили ему никакого зла, но приставили к нему пятнадцать стражей из числа своих соплеменников и пять сыновей людей именитых, и всего их было двадцать, но не ограничивали его свободы: куда хотел, туда ездил и с ястребом охотился, а своих слуг пять или шесть также ездило с ним. Те стражи его слушались и почитали, а если посылал он кого-либо куда-нибудь, то беспрекословно исполняли его желания. И попа привел из Руси к себе с причтом, не зная еще божественного промысла, но рассчитывая, что еще долго там пробудет»³.

Обратимся к опере А. П. Бородина «Князь Игорь» (редакция Н. А. Римского-Корсакова) и мысленно сравним описание пребывания Игоря в плену в Ипатьевской летописи с либретто оперы. Начнем со знаменитой арии Игоря «Ни сна, ни отдыха измученной душе...».

³ Летописные повести... – С. 361.

Князь Игорь

Ни сна, ни отдыха измученной душе:
Мне ночь не шлет отрады и забвенья.
Все прошлое я вновь переживаю
Один, в тиши ночей:
И божья знаменья угрозу,
И бранной славы пир веселый,
Мою победу над врагом,
И бранной славы горестный конец,
Погром, и рану, и мой плен,
И гибель всех моих полков,
Честно, за родину головы сложивших.
Погибло все – и честь моя, и слава,
Позором стал я земли родной.
Плен, постыдный плен –
Вот удел отныне мой,
Да мысль, что все винят меня!
О, дайте, дайте мне свободу, –
Я мой позор сумею искупить:
Спасу я честь свою и славу,
Я Русь от недруга спасу!
Ты одна, голубка лада,
Ты одна винить не станешь,
Сердцем чутким все поймешь ты,
Все ты мне простишь!
В терему твоём высоком
Вдаль глаза ты проглядела:
Друга ждешь ты дни и ночи,
Горько слезы льешь.
Ужели день за днем влачить в плену бесплодно
И знать, что враг терзает Русь?
Враг, что лютый барс.
Стонет Русь в когтях могучих,
И в том винит она меня!
О, дайте, дайте мне свободу –
Я свой позор сумею искупить:
Я Русь от недруга спасу!

Ни сна, ни отдыха измученной душе:
Мне ночь не шлет надежды на спасенье;
Лишь прошлое я вновь переживаю
Один, в тиши ночей...
И нет исхода мне...
Ох, тяжело, тяжело мне!
Тяжко сознание бессилья моего!

<...>

(Из-за шатров выходит хан Кончак.)

Кончак

Здоров ли, князь?
Что приуныл ты, гость мой?
Что ты так призадумался?
Аль сети порвались?
Аль ястребы не злы
И слету птицу не сбивают?
Возьми моих!

Князь Игорь

И сеть крепка, и ястребы надежны,
Да соколу в неволе не живется.

Кончак

Все пленником себя ты здесь считаешь?
Но разве ты живешь как пленник,
А не гость мой?
Ты ранен в битве при Каяле
И взят с дружиной в плен;
Мне отдан на поруки,
А у меня ты – гость.
Тебе почет у нас, как хану,
Все мое – к твоим услугам,
Сын с тобой, дружина тоже;
Ты как хан здесь живешь,
Живешь ты так, как я.
Сознайся: разве пленники так живут? Так ли?

О нет, нет, друг,
Нет, князь, ты здесь не пленник мой,
Ты ведь гость у меня дорогой!
Знай, друг, верь мне,
Ты, князь, мне полюбился
За отвагу твою да за удаль в бою.
Я уважаю тебя, князь,
Ты люб мне был всегда, знай.
Да, я не враг тебе здесь,
А хозяин я твой,
Ты мне гость дорогой, –
Так поведай же мне,
Чем же худо тебе,
Ты скажи мне.
Хочешь – возьми коня любого,
Возьми любой шатер,
Возьми булат заветный,
Меч дедов. Немало вражьей крови
Мечом я этим пролил;
Не раз в боях кровавых
Ужас смерти сеял мой булат.
Да, князь, все здесь,
Все хану здесь подвластно;
Я грозою для всех был давно.
Я храбр, я смел,
Страха я не знаю,
Все боятся меня, все трепещет кругом;
Но ты меня не боялся,
Пощады не просил, князь.
Ах, не врагом бы твоим,
А союзником верным,
А другом надежным,
А братом твоим
Мне хотелось быть,
Ты поверь мне!
Хочешь ты пленницу с моря дальнего,
Чагу-невольницу из-за Каспия?

Если хочешь – скажи только слово мне,
Я тебе подарю!
У меня есть красавицы чюдные:
Косы, как змеи, на плечи спускаются,
Очи черные влагой подернуты,
Нежно и страстно глядят из-под темных бровей.
Что ж молчишь ты?
Если хочешь – любую из них выбирай!
Гей! Пленниц привести сюда! Пусть они песнями
И пляской потешат нас и думы мрачные рассеют.
(Приближенные хана приводят невольников и невольниц.)

Князь Игорь

Спасибо, хан, на добром слове,
Я на тебя обиды здесь не знаю,
И рад бы сам вам тем же отплатить.
(Жмет руку Кончаку.)
А все ж в неволе не житье,
Ты плен когда-то сам изведal.

Кончак

Неволя! Неволя! Ну, хочешь,
Отпущу тебя на родину домой?
Дай только слово мне, что на меня
Меча ты не поднимешь
И мне дороги не заступишь.

Князь Игорь

Нет, негоже князю лгать.
Скажу тебе я прямо, без утайки:
Такого слова я не дам!
Лишь только дай ты мне свободу,
Полки я снова соберу
И на тебя ударю вновь,
Тебе дорогу заступлю!
Испить шеломом Дона
Снова попытаюсь!

Кончак

Люблю!
Ты смел и правды не боишься.
Я сам таков!
Эх! Когда б союзниками мы с тобою были:
Заполонили бы всю Русь!
Как два барса, рыскали бы вместе,
Кровью вражьей вместе упивались
И всё бы в страхе держали под пятой:
Чуть что – так на кол, иль голову долой!
Так ли? Ха-ха-ха-ха!
Да несговорчив ты! Садись!
<...>

Кончак

Видишь ли пленниц ты с моря дальнего,
Видишь красавиц моих из-за Каспия?
О, скажи, друг, скажи только слово мне,
Хочешь – любую из них я тебе подарю!⁴

Как отмечает А. Н. Дмитриев, в собрании автографов А. П. Бородин «имеется интереснейшая и очень значительная ария князя Игоря, иная, нежели широко известная и популярная “Ни сна, ни отдыха измученной душе...”»⁵.

Приведем текст арии князя Игоря, не вошедший в редакцию Н. А. Римского-Корсакова (первая публикация осуществлена А. Н. Дмитриевым):

Зачем не пал я на поле брани;
Да, зачем в бою в главе дружины
С моим полком не пал?
Зачем ты, смерть, очей мне не закрыла?
Я тихо спал бы в песках Каялы

⁴ Бородин А. П. «Князь Игорь»: оперное либретто. – 2-е изд. – М.: Музыка, 1965. – С. 56–57, 59, 60–61, 62, 63.

⁵ Дмитриев А. Н. А. П. Бородин в работе над оперой «Князь Игорь» // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1976. – М.: Наука, 1977. – С. 312.

С полком погибшим.
Нет казни более лютой, как позор свой пережить
И жизнь в плену влачить постыдно,
И знать, что ты всему виною сам.
Ах, вот пытка злее казни!
Да, хуже смерти мой плен.
Позором стал я земли родной,
Кают Игоря на Руси.
Князя Руси, отмстите мой позор,
Спасайте край родной!
Ты, Всеволод, – великий,
Ты веслами разбрызгать можешь Волгу,
Шеломом вычерпать весь Дон!
Ты русскими костями Каялу не засеял!
Вы, Рюрик и Давид,
Как ярый тур, стрелою уязвленный,
Ломали копья у врагов.
Вы русской кровью Каялы не поили!
Вы, Мстислав и Роман,
Вы половцев и прежде воевали,
Боятся вас Ятваги и Литва.
Вы силы русской в Каяле не топили!
Вы, Ингварь да Всеволод,
Врагу дорогу заступите,
Вы шестокрыльцы славного гнезда.
Вы полков своих в Каяле не сгубили.
Князя, забудьте смуты и раздоры,
Дружины ваши соберите,
Разом ударьте на врага
И силу поганую сломите.
На вас укора нет,
Господь поможет вам,
И Русь святую вы спасете.
Вы ведь не Игорь-князь⁶.

⁶ Дмитриев А. Н. «Слово о полку Игореве» и опера А. Н. Бородина «Князь Игорь» // Культурное наследие Древней Руси. – М., Наука, 1976. – С. 216.

«Не вошедшая в редакцию Римского-Корсакова ария князя Игоря своей выразительностью, эпически суровой музыкой с неоспоримой очевидностью свидетельствует, как глубоко и в то же время эмоционально Бородин-художник понимал всю мудрость “Слова о полку Игореве”»⁷.

Теперь перейдем (приступим) к рассмотрению дискуссионных проблем соотношения язычества, христианства и двоеверия в «Слове о полку Игореве».

Н. М. Карамзин в третьем томе «Истории государства Российского» (1816 г.) писал: «Слово о полку Игореве сочинено в XII в., и без сомнения мирянином: ибо Монах не дозволил бы себе говорить о богах языческих, и приписывать им действия естественные»⁸.

В подлинности «Слова о полку Игореве» не сомневался и А. С. Пушкин. Об этом свидетельствует И. А. Гончаров, вспоминая посещение А. С. Пушкиным Московского университета 27 сентября 1832 г. «Он (профессор М. Т. Каченовский. – Г. С.) отвергал также подлинность “Слова о полку Игоревом”, считая его позднейшей подделкой, кажется XIV в., о чем однажды вошел в горячий спор с Пушкиным, которого привез на лекцию министр Уваров.

Здесь я сделаю небольшое отступление по поводу этого принопамятного мне – конечно, и всем тогдашним студентам – посещения великого поэта, тогда уже в апогее его славы.

Когда он вошел с Уваровым, для меня точно солнце озарило всю аудиторию: я в то время был в чадуге обаяния от его поэзии; я питался ею, как молоком матери; стих его приводил меня в дрожь восторга. На меня, как благотворный дождь, падали строфы его созданий (“Евгения Онегина”, “Полтавы” и др.). Его гению я и все тогдашние юноши, увлекавшиеся поэзией, обязаны непосредственным влиянием на наше эстетическое образование.

Перед тем однажды я видел его в церкви, у обедни – и не спускал с него глаз. Черты его лица врезались у меня в память. И вдруг

⁷ Дмитриев А. Н. «Слово о полку Игореве» и опера... – С. 217.

⁸ Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. – М., 1991. – Т. II–III. – С. 475.

этот гений, эта слава и гордость России – передо мной в пяти шагах! Я не верил глазам. Читал лекцию Давыдов, профессор истории русской литературы.

“Вот вам теория искусства, – сказал Уваров, обращаясь к нам, студентам, и указывая на Давыдова, – а вот и самое искусство”, – прибавил он, указывая на Пушкина. Он эффектно отчеканил эту фразу, очевидно, заранее подготовленную. Мы все жадно впились глазами в Пушкина. Давыдов оканчивал лекцию. Речь шла о “Слове о полку Игоревом”. Тут же ожидал своей очереди читать лекцию, после Давыдова, и Каченовский. Нечаянно между ними завязался, по поводу “Слова о полку Игоревом”, разговор, который мало-помалу перешел в горячий спор. “Подойдите ближе, господа, – это для вас интересно”, – пригласил нас Уваров, и мы тесной толпой, как стеной, окружили Пушкина, Уварова и обоих профессоров. Не умею выразить, как велико было наше наслаждение – видеть и слышать нашего кумира.

Я не припомню подробностей их состязания, – помню только, что Пушкин горячо отстаивал подлинность древнерусского эпоса, а Каченовский вонзал в него свой беспощадный аналитический нож. Его щеки ярко горели алым румянцем, и глаза бросали молнии сквозь очки. Может быть, к этому раздражению много огня прибавлял и известный литературный антагонизм между ним и Пушкиным. Пушкин говорил с увлечением, но, к сожалению, тихо, сдержанным тоном, так что за толпой трудно было расслышать»⁹.

В тексте А. С. Пушкина «Песнь о полку Игореве» (1836 г.) содержится обоснование вывода о подлинности «Слова о полку Игореве».

«Других доказательств нет, как слова самого песнотворца. Подлинность же самой песни доказывается духом древности, под которого невозможно подделаться. Кто из наших писателей в 18 веке мог иметь на то довольно таланта? Карамзин? Но Карамзин не поэт. Держ.<авин>? Но Державин не знал и русского языка, не только языка Песни о полку Игореве. Прочие не имели все вместе

⁹ Пушкин в воспоминаниях современников. – М., 2005. – С. 665–666.

столько поэзии, сколь находится оной в плаче Яр<ославны>, в описании битвы и бегства. Кому пришло бы в голову взять в предмет песни тем<ный> поход неизвестного князя? Кто с таким искусством мог затмить некоторые места из своей песни словами, открытыми впоследствии в старых летописях или отысканными в других сл.<авянских> наречиях, где еще сохранились они во всей свежести употребления? Это предполагало бы знание *всех* наречий славянских. Положим, он ими бы и обладал, неужто таковая смесь естественна? Гомер, – если и существовал, искажен рапсодами.

Ломоносов жил не в XII ст.<олетии >. Л.<омоносова> оды писаны на русском языке с примесью некоторых выражений, взятых им из Библии, которая лежала перед ним. Но в Ломоносове вы не найдете ни польских, ни сербских, ни иллирий<ских>, ни болг.<арских>, ни богем.<ских>, ни молд. <авских > и других наречий слав.<янских >»¹⁰.

С. П. Шевырев, рецензируя (1843 г.) второй том полного собрания русских летописей (Ипатьевская летопись), опубликованный в 1843 г., подчеркнул, что «Слово о полку Игореве» – единственный по характеру своему памятник «...словесности нашей XII века, который потому и дошел до нас в единственном экземпляре, погибшем в пожаре 12-го года, что не имел характера исключительно Христианскаго, а носил яркіе живые следы язычества и писан, как видно, с целью политической»¹¹. Чуть позже данные положения были развиты С. П. Шевыревым в публичных лекциях по истории русской словесности. Приведем соответствующий фрагмент: «Известно, что съ XIII и особенно XIV вѣка, вся литература наша принимаетъ характеръ чисто духовный. Въ монастыряхъ, которыхъ размножение относится особенно къ XIV и XV столѣтіямъ, переписываются тѣ произведенія, которыя носятъ на себѣ печать религіозную. Слово о полку Игоревѣ, напротивъ, по цѣли своей есть произведеніе чисто политическое. Характеръ свѣтскій на немъ явенъ; даже ярки воспоминанія язычества; упоминается о четырехъ

¹⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. – Т. 12. Критика. Автобиография. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. – С. 147–148.

¹¹ Москвитянин. – 1843. – Ч. VI. – № 12. – С. 452.

божествахъ: Велесъ, Дажьбогъ, Стрибогъ, Хорсъ; самъ народъ Русскій названъ внукомъ Дажьбога (солнца); замѣтны многія древнія суевѣрія. Все это заставило думать и Карамзина, что оно писано мѣряниномъ. Только обращеніе къ *братьямъ*, упоминаніе въ концѣ Слова о Святой Богородицѣ Пирогощей, Хрістіянахъ, поборающихъ поганые полки, и заключительный Аминь – могли бы свидѣтельствовать въ пользу духовнаго лица, какъ автора; но эти признаки не столько ярки, какъ другіе, какъ весь духъ Слова, какъ мысль его проникающая»¹².

А. С. Орлов писал (1946 г.): «Незыблемо одно: полный языческой традиции своей родины, он (автор «Слова о полку Игореве». – Г. С.) нигде не оставил следов религиозной сентиментальности, свойственной христианству, не обмолвился ни одним намеком на грех и искупление»¹³. По мнѣнію А. Ф. Замалева, автор «Слова о полку Игореве» «сознательно принимал традиционные верования, становился язычником по убежденію»¹⁴.

Д. С. Лихачев в противовес цитированным авторам утверждает: «“Слово” явно написано поэтом-христианином»¹⁵; автор «Слова о полку Игореве» – «несомненный христианин»¹⁶. Правда, в одной из давних работ (1952 г.) мы встретили такое высказываніе Д. С. Лихачева: «“Слово о полку Игореве” написано поэтом христианином, не слишком, впрочем, проявившим свое христианство»¹⁷.

Отметим известный априоризм, встречающийся в некоторых рассужденіях авторов, полагающих, что «Слово о полку Игореве» является христианским произведеніем. «Несмотря на то, – подчеркивает Е. Н. Сырцова, – что автор “Слова о полку Игореве” был христианином [что сегодня, пожалуй, уже ни у кого из исследова-

¹² Шевырев С. П. Исторія русской словесности, преимущественно древней: в 4 т. – Т. I. – Ч. 2. – М., 1846. – С. 263–264.

¹³ Орлов А. С. Слово о полку Игореве. – 2-е изд. – М.; Л., 1946. – С. 37.

¹⁴ Замалева А. Ф. Философская мысль в средневековой Руси (XI–XVI вв.). – Л., 1987. – С. 137.

¹⁵ Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» – героический пролог русской литературы. – Л., 1967. – С. 77.

¹⁶ Он же. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. – Л., 1985. – С. 81.

¹⁷ Он же. Возникновеніе русской литературы. – М.; Л., 1952. – С. 191.

телей не вызывает сомнений], в “Слове” достаточно широко упоминаются языческие боги, присутствуют вполне различимые элементы языческой мифопоэтической картины мира. Отрицание принадлежности автора “Слова” к христианской культуре противоречило бы всей логике развития духовной жизни Киевской Руси XII в., отрицание же языческих образов в поэтике “Слова” – очевидным реальностям¹⁸.

Если исходить из логики цитированного нами автора, то не надо читать текст «Слова о полку Игореве» (и любого другого произведения XII в.), чтобы утверждать, что оно принадлежит к христианской культуре, ибо отрицание принадлежности автора “Слова” к христианской культуре противоречило бы всей логике развития духовной жизни Киевской Руси XII в.

Кстати, отметим, что, по мнению А. Н. Робинсона, «“Слово” вступило в прямое противоречие с литературным процессом второй половины XII в., как только поэт воспел языческих богов, образы которых были органично связаны и с его идеалами, и с эпической традицией»¹⁹.

По мнению Ю. М. Лотмана (а также М. Н. Громова, Б. В. Сапунова, А. Н. Робинсона, А. И. Макарова и других), «В “Слове” <...> отразилась *система двоеверия*»²⁰. «При этом в нем (“Слове о полку Игореве”. – Г. С.), по утверждению В. В. Милькова, не содержится выпадов против язычества и совершенно отсутствуют черты какого-либо возвеличения и пропаганды христианства»²¹.

В исследовательской литературе подсчитывается количество элементов язычества и количество элементов христианства в тексте «Слова», что само по себе очень важно и интересно. Но что это дает для решения вопроса о мировоззрении автора поэмы? Если количество элементов (хотя бы приблизительно) равное, то следует

¹⁸ Сырцова Е. Н. Философско-мировоззренческие коннотации поэтики «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и мировоззрение его эпохи. – Киев, 1990. – С. 42.

¹⁹ Робинсон А. Н. Литература Древней Руси // История всемирной литературы: в 9 т. – М., 1984. – Т. 2. – С. 427.

²⁰ Лотман Ю. М. «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII – начала XIX в. // «Слово о полку Игореве» – памятник XII века. – М.; Л., 1962. – С. 375.

²¹ Мильков В. В. Мировоззренческие основания поэтической образности «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и древнерусская философская культура. – М., 1989. – С. 31.

ли отсюда вывод о двоеверии? Если количество элементов одного мировоззрения превышает (насколько?!) количество элементов другого мировоззрения, то следует ли отсюда вывод в пользу этого (количественно) внешне доминирующего мировоззрения? Даже если мы точно подсчитаем количество элементов язычества и количество элементов христианства, то все равно никакого вывода о характере мировоззрения автора «Слова» сделать нельзя. Почему? Потому что нельзя сказать, что какой-то конкретный элемент язычества имеет точно такую же значимость в системе языческого мировоззрения, что и какой-то конкретный элемент христианства имеет в системе христианского мировоззрения. Или, другими словами, имеющиеся в тексте «Слова» языческие и христианские элементы нельзя поставить во взаимнооднозначное соответствие. Что же остается делать исследователю? Констатировать наличие элементов язычества и элементов христианства в тексте «Слова» и этим ограничиться?

Нам представляется, что нужно исходить из кульминации всей поэмы, каковой, по мнению исследователей, является «Плач Ярославны». «Плач Ярославны» не что иное, как кульминация всей семантики этого многопланового и полифонического повествования. Именно здесь сплетаются воедино все основные семантические линии «Слова», связанные со стержневой организующей и смыслообразующей осью. Исходным здесь является представление о «Слове» как о целостном художественном произведении с единым замыслом и общей структурой»²².

Но что представляет собой «Плач Ярославны»? «Плач» Ярославны в своей основной части является типичным языческим заговором, который повторяет обычную четырехчастную форму заговоров, сохранившуюся до XIX в. Сначала идет обращение к высшим силам природы, затем прославляется их могущество, далее следуют конкретная просьба и заключение. В минуту смертельной опасности, когда дружина Игоря погибла в степях, Ярославна не вспоминает могущественного и милостивого христианского бога или небесную заступницу – Богородицу. С просьбой о

²² Парахонский Б. А. Семантика коммуникативных отношений в «Слове о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и древнерусская философская культура. – М., 1989. – С. 76.

помощи она обращается к Ветру, к реке Днепру Словутичу, к главному божеству древних славян – светлому, трижды светлому солнцу... Что это – просто художественный прием или вызов господству церковной идеологии и открытое признание дееспособности языческих богов?»²³. Разумеется, это открытое признание дееспособности языческих богов, ибо ситуация меняется принципиально. Игорь бежит из плена. «Инстанции», к которым обратилась Ярославна, удовлетворили ее просьбу. Можно ли в таком случае не считать «Слово о полку Игореве» произведением языческим? И еще. «Русскую землю, крещение которой состоялось около двух столетий назад, автор («Слова о полку Игореве». – Г. С.) определяет как землю языческого бога Трояна»²⁴. О чем это свидетельствует? Характеристика русской земли (после принятия христианства!!!) как земли языческого бога Трояна – это не просто один из элементов язычества в тексте «Слова», а сущностная характеристика (сущностный и убедительный показатель) языческого мировоззрения автора поэмы.

В заключение противопоставим «Слову о полку Игореве» как языческому произведению классическое христианское произведение – «Задонщину» (конец XIV в.). В седьмой строке «Задонщины» читаем: «православный русский народ»²⁵. Обратим внимание на формулировку автором цели произведения (своей цели): «Воспоем деяния князей русских, постоявших за веру христианскую!»²⁶. Обратим внимание на формулировку цели великого князя Дмитрия Ивановича: «Испытаем храбрецов своих и реку Дон кровью наполним за землю Русскую и за веру христианскую!»²⁷. Обратим внимание на оценку морального состояния русских воинов: «Все как один готовы головы свои положить за землю Русскую и за веру христианскую»²⁸.

²³ Сапунов Б. В. «Слово о полку Игореве» в культуре Московской Руси // «Слово о полку Игореве»: комплексные исследования. – М., 1988. – С. 232.

²⁴ Он же. Ярославна и древнерусское язычество // «Слово о полку Игореве» – памятник XII в. – М.; Л., 1962. – С. 329.

²⁵ Памятники литературы Древней Руси (XIV – середина XV в.). – М., 1981. – С. 97.

²⁶ Там же. – С. 99.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. – С. 103.

Обратим внимание на то, как выражается скорбь, печаль: «Жалостно ведь, брат, видеть столько крови христианской»²⁹; «Страшно и горестно, братья, было в то время смотреть: лежат трупы христианские словно сенные стога у Дона великого на берегу»³⁰.

И завершающий фрагмент «Задонщины»: «И помиловал бог Русскую землю... И сказал князь великий Дмитрий Иванович: “Братья, бояре и князья и дети боярские... Положили вы головы свои за святые церкви, за землю за Русскую и за веру христианскую. Простите меня, братья, и благословите в этом веке и в будущем. Пойдем, брат, князь Владимир Андреевич, во свою Залесскую землю к славному городу Москве и сядем, брат, на своем княжении, а чести мы, брат, добыли и славного имени!” Богу нашему слава»³¹.

²⁹ Памятники литературы Древней Руси (XIV – середина XV в.). – С. 107.

³⁰ Там же. – С. 111.

³¹ Там же. – С. 97.